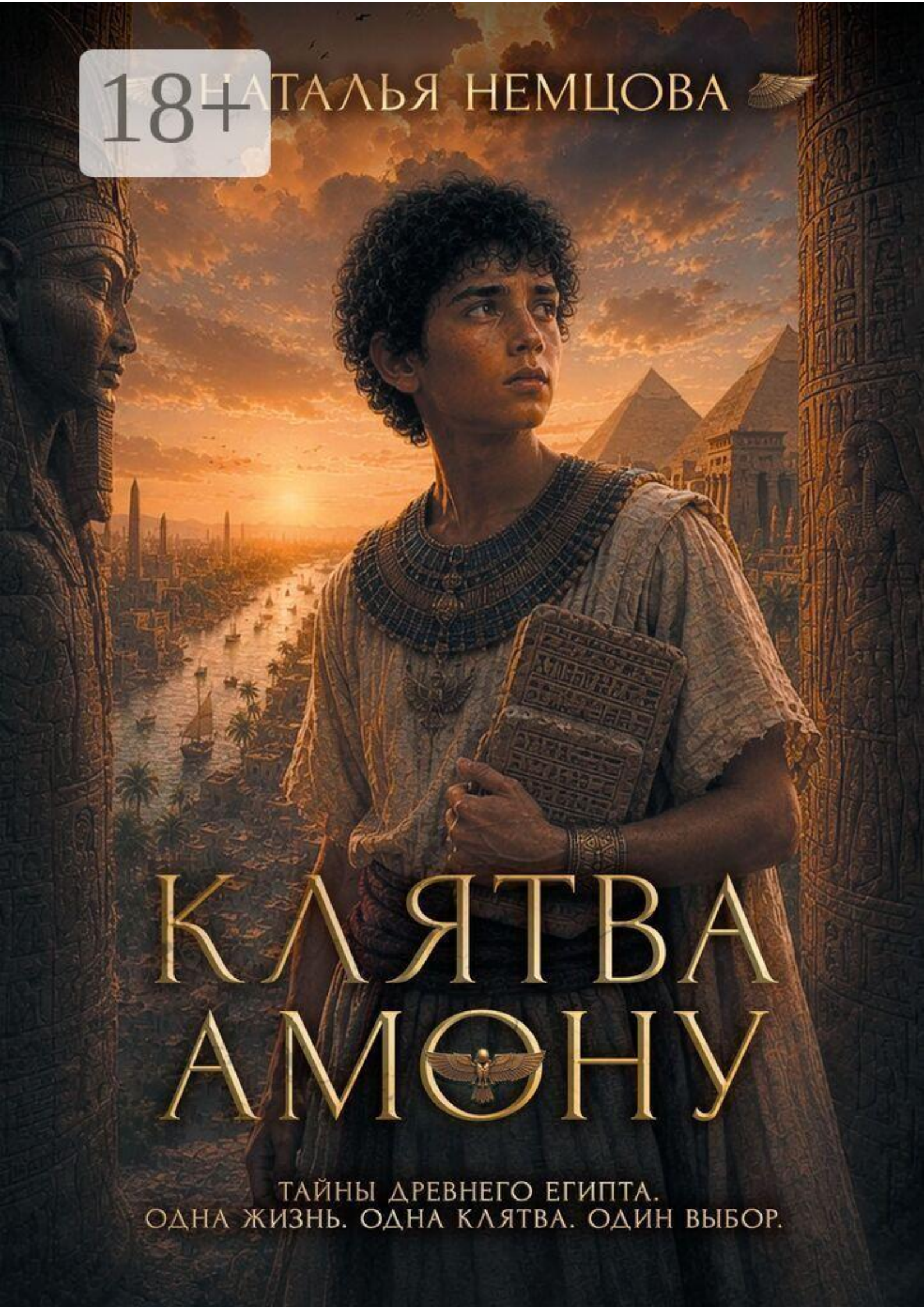
18+

НАТАЛЬЯ НЕМЦОВА



КЛЯТВА АМОНУ

ТАЙНЫ ДРЕВНЕГО ЕГИПТА.
ОДНА ЖИЗНЬ. ОДНА КЛЯТВА. ОДИН ВЫБОР.

Наталья Немцова

Клятва Амону

«Издательские решения»

Немцова Н.

Клятва Амону / Н. Немцова — «Издательские решения»,

Одна жизнь. Одна клятва. Один выбор.Якир — подросток из Древней Митанни, волею судьбы оказывается при дворе могущественного фараона Тутмоса 3.Он переживает удивительные приключения, находит настоящих друзей, сталкивается с коварным предательством. Но самое сложное ждет его впереди: Якиру предстоит распутать клубок загадочных событий и найти того, кто плетет заговор против самого фараона.

© Немцова Н.
© Издательские решения

Содержание

Предисловие 6
Глава 1. Митанни 10
Глава 2. Первое путешествие 22
Конец ознакомительного фрагмента. 33

Клятва Амону

Наталья Немцова

Корректор Александра Приданникова
Дизайнер обложки Мария Фролова

© Наталья Немцова, 2026
© Мария Фролова, дизайн обложки, 2026

ISBN 978-5-0071-6530-3
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие

Алые лучи заходящего солнца освещали руины некогда великой столицы древнего Египта — Амарны. Как будто сам бог солнечного диска с грустью вспоминал тех, кто некогда тут жил, строил храмы, дома, дороги, тех, кто впервые в истории отрекся от веры предков и стал поклоняться единому божеству — Атону.

Этот город существовал совсем недолго. Он был построен мятежным фараоном Эхнатоном более трех тысяч лет назад. Здесь жила прекрасная жена Эхнатона — Нефертити. Здесь нашли ее знаменитый бюст, который прославил не только красоту царицы, но и мастерство древних скульпторов. Но власть Эхнатона оказалась недолгой. После смерти царя жрецы вновь захватили власть, город был разрушен и опустошен.

На древние развалины задумчиво смотрел человек. Он был так очарован видом руин, что попросил водителя остановить машину. Это известный специалист по древней письменности Иван Большаков. Он только что прилетел в Египет и направлялся в лагерь археологов, работавших вблизи старого города.

Вообще-то Иван не должен был здесь находиться. Поездка в Египет никак не входила в его планы. Это все Жульен! Вчера он позвонил и попросил срочно приехать, ничего не объяснив толком. Это в его духе. Он всегда отличался драматизмом и эксцентричностью. Иван хотел отказаться от путешествия, но француз был настойчив как никогда. И вот теперь он здесь — стоит и смотрит на то, что осталось от древней столицы Египта.

Но мысли Ивана были далеки от этого места. Он смотрел на Амарну, а думал о совсем другом древнем городе на севере Индии — о Хараппе. Последние годы он был одержим загадочной цивилизацией, возникшей много тысяч лет назад и бесследно исчезнувшей, оставив огромные города, систему канализаций и письменность. Письменность, которую до сих пор никто не расшифровал. И это не давало Ивану покоя. Уже перепробовали все, включая сложные компьютерные программы, но безрезультатно. Это приводило Ивана в отчаяние.

Хараппская цивилизация была выдающейся для своего времени. Они даже строили прочные корабли и доплывали до Шумера. Шумеры называли их государство Мелухха. Археологи уже нашли сотни печатей с письмом Мелуххи на территории древнего Междуречья, но не нашли главного — билингвы, текста на двух языках, один из которых был бы шумерским, а второй — на языке Мелуххи. Это бы позволило расшифровать знаки. Но прошло уже столько лет, а билингва так и не была обнаружена. Тайна древней цивилизации, ее тексты так и остаются бессвязным набором загадочных символов.

Раздумья Ивана прервал звонок телефона. Он вынул телефон из кармана.

— Иван, ты где? — почти кричал Жульен. — Ты уже должен быть здесь. Где тебя носит?

— Скоро буду, минут через пятнадцать, — устало ответил Иван.

Иван все больше не понимал нетерпения друга. Что он мог такого найти? Амарна изучена вдоль и поперек. Жульен часто делает из мухи слона, видит сенсацию там, где ее и в помине нет. Но он его друг… Они познакомились много лет назад на одной из конференций, участвовали во множестве экспедиций. Иван не мог его подвести, хотя в душе и понимал, что поездка окажется напрасной.

Когда машина подъехала к лагерю, Жульен уже ждал. Он подбежал к автомобилю и буквально вытащил Ивана наружу.

— Иван, это ты! Слава богу, ты приехал! — воскликнул Жульен, схватив Ивана в крепкие объятия.

— Жульен, дружище! Сколько лет прошло! Я тоже очень рад тебя видеть!

— Ты, наверное, устал с дороги. Пойдем в лагерь, перекусим. Я угощу тебя превосходным французским вином. Куда же без него. Тем более нам есть за что выпить, — сказал Жульен, загадочно глядя на Ивана.

Во время ужина Иван заметил, что Жульен излишне взволнован. Он пытался сдерживать эмоции, был рассеян. Иван никогда его таким не видел и решил спросить прямо:

— Жульен, что-то случилось? К чему эта спешка? Зачем ты вызвал меня из Москвы?

— Да, — ответил Жульен после некоторой паузы. — Я кое-что нашел. Но это так неожиданно и странно… До сих пор не могу осознать… Я никому не хотел пока говорить. Мне важно, чтобы ты взглянул и высказал свое профессиональное мнение. Может, я ошибаюсь и это совсем не то, что я думаю… — Он говорил так быстро и эмоционально, что Иван с трудом понимал его речь. От волнения он стал произносить английские слова с чудовищным французским акцентом.

— Жульен, ради бога, что ты нашел? — волнение Жульена передалось Ивану.

— Иван, мы ведем раскопки несколько месяцев. Нашли храмовый комплекс, керамику, надписи — все, о чем можно было только мечтать. А потом обнаружили в подвалах храма полость. Думаем, это тайник. Известно, что после смерти Эхнатона жрецы вновь захватили власть. Наследие фараона стали уничтожать, все созданное в Амарне было объявлено неугодным старым богам.

— И в этом тайнике вы обнаружили таблички, так? — предположил Иван.

— Да. Их там очень много. Я бы сказал, целая библиотека. И тот, кто ее спрятал там, понимал, насколько важны эти тексты, но не смог вернуться за ними. Скорее всего, не пережил политических волнений, которые последовали за смертью фараона.

— Что это за тексты?

— Мои знания аккадского достаточно поверхностны, а некоторые таблички повреждены и требуют восстановления. Но, насколько я понял, речь идет о некоем Якире. И, судя по всему, эти тексты не перечисление прижизненных заслуг, а скорее автобиографическое повествование. Понимаешь?

— Подожди. В каком смысле автобиографическое?

— Этот Якир подробно описывает свою жизнь. По крайней мере, у меня сложилось такое впечатление. Ты же знаешь, я не лингвист, не все знаки я смог прочесть. Но, черт возьми, ты же понимаешь, что это значит! Ты же понимаешь? — От волнения Жульен почти перешел на крик. Он ходил по комнате, нервно размахивая руками. Его глаза лихорадочно блестели. Эмоции, которые все эти дни переполняли его, вырывались наружу.

— Понимаю… — сказал Иван хриплым от волнения голосом. — Я должен увидеть эти таблички! Если все так, то это первая в истории дошедшая до нас автобиография человека из такой древности. Боже мой, это же все равно что найти свидетеля эпохи! Мы можем заглянуть в прошлое, увидеть людей, реальных людей, живших тогда! Это совсем другой взгляд на историю. Кто он, этот Якир? Последователь Эхнатона?

— Нет, — ответил Жульен уже более спокойным голосом. — Он жил за несколько столетий до Эхнатона, при Тутмосе Третьем, насколько я понял.

— Ладно. Мне нужно взглянуть на эти таблички. Отведи меня…

— Иван, послушай, — Жульен перебил своего приятеля. — Это не всё.

— Ты о чем? Что не всё? — потрясенно ответил Иван.

— История Якира, безусловно, интересна, но это не главное. Мы нашли кое-что еще. Мы нашли очень странные таблички, принадлежавшие при жизни Якиру. По крайней мере, они находились среди текстов, написанных им. Но их возраст гораздо более древний.

— Что за таблички?

— Это билингва, — произнес Жульен.

— Билингва? Ты имеешь в виду текст на аккадском и древнеегипетском?

— Нет! Я бы не просил тебя бросить все дела и лететь ко мне из-за обычного текста. Я же говорю, это гораздо более древние тексты. И они не имеют никакого отношения к Египту. Ладно. Лучше будет, если ты все увидишь сам. Пойдем.

Жульен резко вскочил со стула и быстрым шагом вышел из палатки. Иван молча последовал за своим приятелем. Он вообще перестал понимать, что происходит. Друзья вошли в помещение, где хранились и тщательно изучались предметы, привезенные с раскопок. И тут внимание Ивана привлекли таблички.

Их было много, очень много. Жульен не преувеличил, когда сказал, что нашел целую библиотеку.

— Иван, посмотри сюда, — сказал Жульен.

Иван подошел к глиняной табличке, на которую указал Жульен. Обожженный кусок глины поделен на две половины. На каждой из них написан текст. Левый текст не на аккадском языке, как ожидал Иван, — на шумерском. Причем это ранний шумерский язык — примерно третье тысячелетие до нашей эры. Но и это не самое поразительное. Правый текст, являвшийся, судя по всему, переводом шумерского, не имел отношения к культуре Месопотамии.

Иван подумал, не сходит ли он с ума. Или это сон, видение? Он закрыл глаза, снова их открыл. Перед ним лежал текст, написанный на языке исчезнувшей тысячи лет назад Хараппской цивилизации. Он вопросительно посмотрел на Жульена, будто хотел убедиться, что тот до сих пор тут, а происходящее не иллюзия, не мираж, не плод воображения.

— Иван, я понимаю, что ты сейчас чувствуешь. Когда я понял, *что* передо мной, сам испытал шок, — участливо сказал Жульен.

— Да этого просто не может быть! Это чья-то шутка? Подделка?

— Уверяю тебя, эти тексты пролежали в земле как минимум три с половиной тысячи лет. Если их и подделали, то в далеком прошлом. Да и как бы они это сделали? Откуда люди, жившие тогда, вообще узнали про письменность Хараппы? — Жульен усмехнулся на предположение Ивана. Но когда он сам впервые увидел таблички, то подумал то же самое: этого не может быть.

— Да. Ты прав. Смотри вот сюда, на шумерскую половину. Видишь слово «Мелухха»? Шумеры так называли эту страну на территории Индии. Сколько таких табличек? — спросил Иван почти шепотом.

— Три. Возможно, они имеют отношение к Якиру. Я не знаю. Как-то же они оказались в Египте и лежали вместе с его воспоминаниями.

— Якир… Это аккадское имя. Значит, именно он нашел эти таблички и привез их в Египет. Ты сказал, он жил при Тутмосе Третьем. Этот фараон совершал немало походов на восток. Возможно, с одним из них он и прибыл сюда. Возможно, он остался жить при дворе фараона, — предположил Иван.

— Это вполне может быть, — сказал Жульен. — Этот Якир был необычным человеком. Скорее всего, он действительно жил на территории Шумера. Вероятно, в своих воспоминаниях он упоминает о том, как таблички с древней письменностью к нему попали. Иван, — продолжал Жульен, — ты можешь подтвердить, что эти надписи действительно принадлежат Хараппской цивилизации? Я должен сделать заявление и должен быть уверен в своих выводах.

— Да, это точно те же знаки, что обнаружены в долине Инда. Я должен более внимательно изучить эти тексты. Но, судя по всему, речь идет о торговом договоре между шумерским городом Ур и народом, населявшим Индию.

Находка Жульена стала настоящей научной сенсацией. Многие специалисты в области древних языков, в том числе и Иван Большаков, несколько месяцев бились над расшифровкой текстов. Проблема заключалась в том, что у языка Хараппской цивилизации не осталось потомков. Он полностью исчез из обихода людей. Было множество споров и научных дискуссий. Но после долгих трудов специалисты все-таки пришли к единому мнению. Древние сим-

волы обрели смысл, тексты, написанные на них, впервые за несколько тысяч лет были прочитаны.

Прошел год после визита Ивана в Амарну. Это был самый интересный и продуктивный год за всю его профессиональную деятельность. Он жил как во сне. Все его время, вся его жизнь была посвящена дешифровке древней письменности. Он не мог больше ни о чем думать.

Но сейчас, когда задача решена, он впервые подумал о том, как странно к нему попали эти тексты. Якир… Человек, живший тысячи лет назад, именно он передал их ему. Иван всегда мечтал найти билингву, но он никогда не думал, что это произойдет столь странным образом. Но как таблички с письменностью Мелуххи попали к Якиру? Кто их ему передал? Ведь, судя по всему, они были написаны как минимум за тысячу лет до его рождения.

Ажиотаж вокруг древнего языка отодвинул на задний план все остальное. Повествование Якира, написанное на аккадском языке, было изучено достаточно поверхностно. Ряд табличек был поврежден, остались лишь фрагменты букв. Их нужно восстановить и прочитать. Иван должен передать все, что написал этот человек, современник одного из самых великих правителей древности, человек, сохранивший для нас возможность разгадать тайны прошлого.

Глава 1. Митанни

Меня зовут Якир, мне минуло восемьдесят лет, я прожил долгую и славную жизнь. Сейчас, когда жизнь моя клонится к закату и мрачное царство Анубиса ждет меня, я решил оставить свои воспоминания не только в памяти своих детей, внуков и правнуков, но и на глиняных табличках. Кому, как не мне, знать, что они хранят истории гораздо надежнее любого из смертных.

Большую часть своей жизни я прожил в Египте. Но родился я не здесь. Моя родина — Митанни. Страна на севере Междуречья, там, где берут начало великие реки Тигр и Евфрат. По своей мощи и силе это государство сравнимо только с Египтом. Оно подчинило себе Ашур, хетты и Вавилон платят ему дань.

Я происходил из влиятельной купеческой семьи. Мои отец и дед по материнской линии были крупными торговцами. Отец был египтянин. Звали его Яхмос. В молодом возрасте он покинул родину и решил попытать счастья в Финикии. Он много лет провел в путешествиях, привозил из дальних стран редкие товары, выгодно их продавал. Со временем отец достаточно разбогател, чтобы построить свои корабли и отправлять их в дальние плавания. Уже в зрелом возрасте он женился на моей матери, дочери известного митаннийского купца. Отец с молодой женой остался жить в Вашшуканни, столице Митанни. Здесь я и родился.

Я не помню свою мать. Она умерла, когда мне было чуть больше года. Отец часто был в разъездах, поэтому я воспитывался в семье брата моей матери Аршмата. Я не могу сказать, что он заменил мне отца. Нет, он был человек жесткий, своенравный, его волновала только прибыль и сделки. Он заставлял меня работать с ним на складе, разбирать товар, стоять за прилавком. Он считал, что приучает меня к жизни торговца, и называл это заботой. Если я что-то делал не так, то дядя не скупился на подзатыльники и щелбаны и называл это воспитанием. Я не был на него в обиде. Мне казалось, так и должно быть.

Дядина жена — тихая, молчаливая женщина — насколько я помню, всегда занималась детьми и рукоделием. У них было три дочери, намного младше меня, поэтому близкого общения у нас не вышло. Но все равно это счастливый период моей жизни. Да, мне не хватало отца, но со временем я привык к его отсутствию.

Вашшуканни — необычайно красивый и богатый город. Говорят, что по своему величию он сравним с Вавилоном. Даже сейчас, по прошествии стольких лет, я ясно вижу его узкие улочки, невысокие, но массивные дома, вижу торговую площадь, лица своих друзей, соседей. На севере города виднеются величественные горы, вершины которых покрыты вечными снегами. Вашшуканни утопает в зелени и цветущих садах. Я бы многое отдал сейчас за то, чтобы хоть на пару мгновений оказаться там.

Сам город разделен на две части могучей, широкой рекой Хабур — левым притоком Евфрата. Бывают дни, когда она настолько переполнена кораблями, лодками и плотами, что кажется, будто перейти на тот берег можно, перешагивая по палубам. Воды Хабура каждый день приносят в столицу разношерстный народ: купцов, путешественников, паломников из Вавилонии, Шумера, Элама. Река связывает все Междуречье в единое целое.

****

Наша семья, богатая и уважаемая, жила в центре столицы, недалеко от рыночной площади. Мы владели большим домом с внутренним садом, в котором работали слуги и рабы. В собственности у нас также было несколько крупных торговых лавок, таверн и гостиниц.

Отец бывал в городе нечасто, три или четыре месяца в году. Остальное время он проводил вдали от дома — организация сложных торговых маршрутов требовала его личного присутствия.

Как же я всегда ждал его! Когда он приезжал, это был настоящий праздник. В наш дом приходили друзья и родственники. Мы устраивали званые ужины, на которых отец делился впечатлениями о своих путешествиях. Он рассказывал о море, о дальних странах, об опасностях долгого пути. Отец побывал во всех районах, расположенных на берегах Средиземного моря, его корабли выходили в океан и заплывали далеко в северные земли, где живут полудикие люди.

Самой большой мечтой моей жизни было однажды уехать с отцом. Я так хотел увидеть море! Я много раз представлял его: голубая бескрайняя даль, и я плыву на корабле, посещаю различные страны или даже сражаюсь с пиратами… Их тогда было очень много на побережье, они охотились за кораблями с богатой добычей, а путешественников продавали в рабство. Пираты гораздо страшнее и беспощаднее штормов и бурь. Но корабли отца всегда благополучно добирались до места назначения. Не знаю, как ему это удавалось. Может, дело в сильной охране, или же отец, благодаря своим обширным связям, как-то сумел договориться с теми, кто стоял у пиратов за спиной. Как я сейчас понимаю, даже у самых на первый взгляд случайных и стихийных событий есть свой «правитель».

Моему отцу было в то время достаточно много лет: волосы тронуты сединой, лицо испещрено мелкими морщинками. Высокий и худой, со смуглой кожей и проницательными черными глазами, он выглядел даже старше своих лет — жаркое южное солнце, пронзительные ветра и тяготы опасного пути оставили на нем свой след.

Было в его в облике что-то величественное. Даже не знаю, как объяснить. Осанка, речь, манеры — он казался человеком из высшего сословия. Я не раз наблюдал беседы отца с другими людьми, видел, как они вдруг начинали разговаривать с ним не как с равным по положению, а как с человеком, наделенным безграничной властью.

Отец много сил и денег тратил на мое образование. В десять лет я уже хорошо знал математику, мог писать клинописью и египетскими иероглифами, изучал астрономию. Однако отец говорил, что этого недостаточно. А я не понимал, что он имел в виду, ведь я знал очень много, гораздо больше моих сверстников! Со мной занимались лучшие преподаватели.

Особенно сильно отца огорчал тот факт, что я плохо говорил по-египетски. Когда отец был дома, мы говорили на его родном языке, и я делал успехи. Но отец уезжал, и за месяцы разлуки я опять опускался до прежнего уровня. Найти египтянина, который бы практиковал со мной язык, было очень сложно, даже в таком огромном городе, как Вашшуканни. Египтяне — странные люди, они настолько привязаны к своей стране, что редко живут за ее пределами.

****

Я часто думаю, как иногда совершенно случайная встреча все меняет в жизни. И случайна ли она? Может, нужные люди приходят к нам тогда, когда мы сами к этому готовы и остро нуждаемся в переменах? Так случилось и со мной. В моей жизни появился человек, который оказал огромное влияние на всю мою дальнейшую судьбу.

Случилось это так: младшая дочь моего дяди заболела. У нее был сильный жар, и от боли в горле она не могла говорить. Кто-то из соседей сказал, что в нашей гостинице остановился лекарь из Вавилона. Мы тут же отправили за этим человеком, обещая щедрое вознаграждение за помощь.

Не прошло и часа, как на пороге нашего дома появился старик, на вид лет шестидесяти. Его очень смуглое, загорелое лицо резко выделялось на фоне белоснежных от седины кудрявых волос. Взгляд старика излучал особую теплоту и умиротворение. Как только он зашел,

появилась не просто надежда, а уверенность, что все будет хорошо и моя маленькая сестренка поправится. Я сразу почувствовал, что он добрый и хороший человек.

Старика звали Лиммир. Дядя сразу же проводил его в комнату к больной дочери. Лиммир осмотрел девочку, сделал отвар из лечебных трав, которые принес с собой, и рассказал матери, как в дальнейшем лечить ребенка. По его словам, девочка должна была скоро пойти на поправку.

Он уже уходил, когда случайно услышал, как отец что-то спросил меня по-египетски, а я забыл нужное слово. И вдруг Лиммир сказал это слово за меня.

Мы с отцом потеряли дар речи.

— Откуда ты знаешь египетский? — с удивлением спросил отец.

— Я жил в Египте около пятнадцати лет. Большой срок.

— Но что ты там делал?

— Тогда страной правил фараон Аменхотеп, сын великого Яхмоса. Я был юн и одержим поиском знаний, искал ответы на свои вопросы. Я учился мудрости у жрецов Амона и Тота.

— Лиммир, удели мне несколько минут. Мне необходимо поговорить с тобой, — сказал отец, приглашая старика проследовать за ним в комнату, где часто проходили деловые переговоры.

Я воспользовался случаем и улизнул на улицу. Меня ждали друзья.

В детстве мы смотрим на жизнь проще: нам не важны положение человека, статус его семьи. Помню, я даже завидовал жизни городских бродяг. У них была свобода. Они могли делать все, что хотят: гулять до глубокой ночи, спать все утро, веселиться с друзьями. Главное — им не нужно было корпеть над уроками, помогать дяде в лавке или разбирать товары на складе. У меня почти не было времени на прогулки и шалости, но когда я сбегал к друзьям, мы весело проводили время: ходили на реку, купались, ныряли с заброшенной пристани в северной части города, бегали по извилистым улицам, даже воровали персики и сливы из городских садов. В детстве кажется, что таких дней впереди огромное множество, что жизнь бесконечна и радостна. Но сейчас я вижу все по-другому: жизнь — мгновение, которое пролетает так быстро, что не успеваешь его осознать.

Вернулся я домой поздно вечером и с удивлением обнаружил, что старик еще там. Ко мне подошел отец и торжественно представил Лиммира как моего нового учителя и наставника.

— Якир, — произнес отец, — Лиммир — ученый человек. Он знает языки, математику, астрономию, географию, морскую навигацию и много чего другого. Послушай, именно такой человек тебе и нужен, чтобы подготовиться к нашим с тобой совместным путешествиям.

— Отец, неужели ты возьмешь меня с собой? Когда, скажи, когда я с тобой поеду? — спросил я дрожащим от волнения голосом.

— Года через два или меньше, — ответил отец. — Все зависит от усердия, с которым ты будешь заниматься.

— Клянусь, я буду стараться. Очень. Я не подведу тебя!

Отец ласково потрепал меня за волосы.

— Я знаю, Якир. Знаю. А сейчас иди ужинать и спать. С завтрашнего дня начнется твое обучение.

Через пару дней отец вновь уехал. Мне было грустно как никогда. Я впервые задумался: а что, если с ним что-то случится и я больше никогда не увижу его? Несколько лет назад он тяжело заболел во время поездки в северные земли и чуть не умер. Я тогда был слишком мал и не понимал, насколько хрупка человеческая жизнь. Мне стало страшно. Эти мысли впились в мое в сердце острыми когтями и раздирали душу.

****

Мои отношения с новым наставником поначалу складывались весьма своеобразно. Лиммир очень отличался от других моих учителей. Он поинтересовался, конечно, уровнем моих знаний, похвалил меня за счет и письмо, но не давал мне совсем никаких заданий. Он как будто наблюдал за мной.

Учитель любил гулять по городу и часто просил меня сопроводить его. Мы часто бродили по улицам Вашшуканни, смотрели на корабли в порту или сидели в тени цветущих садов — и все время говорили. Лиммир общался со мной в основном на египетском, изредка переходя на родной для меня аккадский. В одну из наших бесед я его спросил, нравится ли ему Митанни и был ли он тут раньше.

— Конечно, — ответил Лиммир, — я был тут много лет назад, в ранней юности. Город сильно изменился.

— Да. Он стал больше и богаче. Я думаю, что у Митанни великое будущее.

— Почему ты так думаешь, Якир?

— Потому что с каждым годом доходы страны растут, строятся новые дворцы и дома. Разве ты не видишь все это великолепие вокруг?

— Ты кое о чем забываешь, Якир. Страна — это прежде всего люди, а не дома и дворцы.

— Ну да, люди. В Митанни полно людей.

— А как они живут? — спросил Лиммир.

— Хорошо живут, — с удивлением ответил я.

— Это ты хорошо живешь, Якир, но бывал ли ты за пределами городских стен? Земледельцы вынуждены брать непосильные займы и потом не могут расплатиться. Их земля отходит к ростовщикам, а сами они нередко попадают в долговое рабство. Да, рабство есть везде, но в Митанни скоро рабы по своей численности превысят свободных людей. И тогда будет катастрофа.

— Но ты сам сказал, что рабы есть везде. Значит, так угодно богам. Они сотворили наш мир таким, какой он есть.

— Якир, скажи мне, мог бы ты сказать то же самое, если бы сам был рабом? — Лиммир посмотрел на мое растерянное лицо и грустно улыбнулся. — Вот видишь. Ты говоришь то, о чем понятия не имеешь. Ты не можешь рассуждать о чем-то, пока не испытаешь это на себе.

Тут я впервые в жизни задумался о рабстве. Раньше я воспринимал его как обычное явление. Мне казалось, это естественный ход вещей. Но Лиммир был прав. Как ужасно потерять свободу! С ней пропадает смысл жизни: невозможно выбирать свой путь, искать занятие по душе. А что, если бы я сам попал в рабство? Что бы со мной стало?

Лиммир внушил мне, что свобода — самая главная ценность в жизни. А еще благодаря ему я научился воспринимать людей отдельно от их положения в обществе, что очень мне помогло в дальнейшей жизни.

Старик часто рассказывал мне истории из жизни. Люди в его рассказах совершали и благородные поступки, и самые подлые предательства. Мы часто обсуждали героев его повествований.

— Лиммир, как ты думаешь, почему люди совершают ужасные поступки? Откуда в них столько зла? — однажды спросил я.

— Существует много причин. Ты спрашиваешь меня, почему в человеке живет зло? Я до конца не знаю. А ты что думаешь, Якир?

— Тут все ясно. Когда человек одержим злыми духами, он творит зло, — сказал я, пожав плечами.

— Как удобно! — старик улыбнулся мне в ответ. — Значит, духи виноваты, а человек ни при чем? Эх, Якир! Это огромная ошибка — снимать с человека ответственность.

— Ну тогда все дело в условиях жизни. Люди становятся злыми от плохой жизни и нужды.

— Я видел жестоких людей. Очень жестоких. Они ни к кому не знали жалости. Хотя жили в достатке и любви, никогда ни в чем не нуждались. Видел людей бедных и несчастных, готовых отдать последний кусок хлеба. Я не думаю, что условия жизни сильно влияют на нравственность человека. Видел и обратную ситуацию: добрых богачей и озлобленных жестоких бедняков. Понимаешь, зло начинается там, где человек ставит себя выше других.

— Это как?

— Ну это когда ты на первое место ставишь только свои интересы, а окружающих воспринимаешь как орудие для достижения собственных целей. Ты отказываешь им в человечности. А вот милосердие рождается тогда, когда ты способен поставить себя на место другого человека, почувствовать его боль, его страдания как свои. Понимаешь, Якир?

— Да, понимаю, Лиммир, — тихо ответил я, глядя в добрые глаза старика.

Мой учитель постепенно начал со мной заниматься арифметикой, астрономией, геометрий. Он с увлечением мне передавал свои знания и жизненный опыт. Мы изучали египетские иероглифы и аккадскую клинопись. Учение стало для меня не повинностью, а увлечением. Я не просто получал знания — я открывал целые миры.

Однажды Лиммир мне рассказывал, как моряки ориентируются по звездному небу. Он говорил о созвездиях, о том, что Полярная звезда всегда указывает на север.

— Эта звезда настоящий ориентир, но ты должен знать, Якир, есть места на Земле, где она не видна.

— Как не видна? Такого не может быть, — с изумлением ответил я.

— Почему ты так думаешь?

— Потому что всем известно, что Земля плоская. А значит, звезды должны быть видны везде.

— Что значит «известно»? Если большинство людей о чем-то думает одинаково, это не значит, что так оно и есть. Идея плоской Земли родилась много тысячелетий назад, когда люди не накопили достаточно знаний и наблюдений об окружающей действительности. Она основана на первых мифах и сказаниях. Ты же понимаешь, как люди неохотно отказываются от старых убеждений, особенно когда они связаны с религией. Уже несколько столетий назад люди, наблюдающие за звездным небом, поняли, что Земля имеет форму шара.

— Но как они это поняли? И разве возможно это понять, находясь здесь, на Земле?

— Конечно, это совсем несложно, Якир. Вот если бы ты стоял на берегу моря и смотрел на удаляющийся корабль, ты бы увидел, как он скрывается за линией горизонта.

— Ну да.

— Но если Земля плоская, то удаляющийся корабль всегда будет для тебя маленькой далекой точкой. Он скрывается из виду потому, что Земля — сфера, и на горизонте она образует как бы загиб, который и ограничивает твое поле зрения. Во времена затмений тень, которую Земля отбрасывает на Луну, всегда имеет круглую форму. Об этом давно знали жрецы Шумера и Египта.

Факт этот меня сильно впечатлил. Я никак не мог осознать, что Земля круглая. Не странно ли, что истина оборачивается вдруг глубочайшим заблуждением?..

Больше всего меня привлекали рассказы Лиммира о путешествиях и неизвестных землях. Он рассказывал о Египте, о Нубии, о загадочной стране Пунт, об истории Вавилона, Шумера, Элама. Я думал, что сам Лиммир аккадец, пока не услышал, как он тихо произносил молитвы на незнакомом языке.

— Лиммир, что это за язык? — с удивлением спросил я.

— Это шумерский, — ответил старик.

— Шумерский? Я думал, на нем уже никто не говорит.

— Да. Ты прав. Сейчас на нем не говорят. Он используется лишь в молитвах и некоторых текстах. Мало кто его знает. Этот язык умирает.

— Так, значит, ты шумер?

— Да. Представь себе, Якир, тысячу лет назад шумерский язык был главным здесь, в долине Тигра и Евфрата. Шумерские города Ур, Урук, Лагаш процветали. Мы первые придумали гончарный круг, письменность на глиняных табличках, даже колесо. Мы научились обрабатывать металлы, создали сложную систему каналов и наши величественные храмы, наблюдали за звездами.

— Но куда все это исчезало? Почему шумеры покорились Аккаду?

— Шумеры сами ослабили себя и стали легкой добычей Саргона Аккадского. Наши города воевали друг с другом на протяжении столетий. Но не только друг с другом, еще и с Эламом. Междоусобные распри уничтожили могущество моего народа. Теперь от него почти ничего не осталось, — с горечью в голосе произнес Лиммир.

— А почему ваш язык такой странный? Он совсем не похож на аккадский.

— Шумерский язык не имеет к аккадскому никакого отношения. Знаешь, есть древние тексты, где говорится, что предки шумеров прибыли на эти земли с моря. Откуда — никто не знает. Это было больше четырех тысяч лет назад. Поэтому и наш язык не похож ни на один язык, распространенный на этой территории.

— Интересно, откуда вы прибыли? Внешне вы от нас не сильно отличаетесь. Неужели не сохранилось ни одной таблички, которая бы описывала вашу родину?

— Нет. Ничего не сохранилось. Это было очень давно. Но есть предания, что мы пришли с востока. И еще в древности у шумеров была традиция почитания высоких деревьев — считалось, что в них живут духи предков.

— Лиммир, ты что? Где ты видел в Междуречье деревья? Да еще высокие?

— Вот именно. Их нет. Люди в старину выбирали самые высокие кустарники, выполняя около них обряды. Якир, скажи же мне, что это говорит о прародине шумеров?

— Вы прибыли из мест, где много лесов и высоких деревьев?

— Да. Скорее всего, так. К сожалению, больше ничего не известно.

— На востоке находится Элам.

— На востоке много чего находится. Земля огромна, Якир. Мы знаем только ее мизерную часть. Далеко на востоке, за долинами и горами, на краю земли живет интересный народ. Они живут на берегах могучих рек, как и мы, занимаются земледелием. Они отличаются от нас внешне. У них другой разрез глаз.

— Но откуда тебе это известно?

— Якир, мы это знаем только благодаря торговле. Вот смотри, допустим, есть какая-то страна, которая добывает и продает драгоценные камни. Неужели ее торговцы пойдут искать покупателей в дальние страны? Нет. Они везут товары на небольшие расстояния, передают его перекупщикам, те везут их дальше до следующего пункта, где товар приобретает новых владельцев. Так товары проходят через десятки рук. Но не это главное. Понимаешь, эти сложные цепочки торговых путей обеспечивают нас информацией о народах, странах, языках и культурах. Торговля — это гораздо больше чем товары. Она объединяет всех нас в сложную систему, где мы зависим друг от друга. Да, именно благодаря торговле мир и развивается. Мы перенимаем достижения друг друга.

Я был поражен словами Лиммира. Оказывается, торговля — это не просто способ обогащения. Это не просто приключения. Торговля — это река, которая соединяет разрозненные города и народы в единый живой организм. Не будет торговли — не будет ничего. Ведь целые страны живут за счет того, что находятся на перекрестке важных торговых маршрутов. Например, Митанни, Вавилон, Финикия, Хеттское царство. Все они исчезнут, если не будет караванов купцов.

— Лиммир, а какие еще народы ты знаешь? — спросил я.

— Ты что-нибудь слышал о такой стране, как Мелухха?

— Нет, никогда, — ответил я.

— Это была удивительная страна, Якир. Народ, населявший ее, доплывал до нас на кораблях по морю. Они проплывали огромные расстояния в тысячу стадий вдоль берегов и привозили нам свои товары. У них были большие корабли, а их общество было даже более развитым, чем у нас.

— Где же они жили?

— Далеко, на восточных морях. Можно до них дойти и по суше, но путь будет долгий и опасный. Их страну от нас отделяют высокие горы и жаркие влажные леса. Поэтому они и выбрали путь по морю и стали прекрасными мореплавателями. Подумай только, они смогли покорить море почти за тысячу лет до финикийцев.

— Лиммир, а шумеры как-то связаны с этим народом? Может, там ваша прародина?

— Нет, они совсем на нас не похожи. У них была очень темная кожа, курчавые волосы. Их язык не имел ничего общего с нашим.

— А что ты еще знаешь об этой стране, Лиммир?

— Говорят, несколько моих соотечественников плавали на их кораблях и достигали родины этих людей. Это была огромная страна — в десятки раз больше всего Междуречья. Она включала в себя сотни городов. Так как в тех местах было много деревьев, то люди могли обжигать кирпич. К сожалению, здесь такой возможности нет, и нам приходится сушить глину на солнце. Поэтому и дома у них были гораздо более прочные, чем у нас, их не размывали дожди и наводнения. Улицы городов были прямыми и широкими. А еще у них были специальные трубы, проложенные под землей, которые приносили воду прямо в дома. Они жили на берегах могучей реки, выращивали пшеницу, ячмень…

— Лиммир, почему ты все время говоришь «были»? Что с ними случилось?

— Никто не знает. Эти люди исчезли так же внезапно, как и появились. Они перестали к нам приплывать. И связи с этим государством оборвались.

— Как долго они сюда не приплывают?

— Очень давно. Последний раз они были несколько столетий назад.

— Что с ними случилось? Как ты думаешь, Лиммир?

— Не знаю. Может, война… вторжение других народов или засуха.

— Засуха?

— Да. Несколько столетий назад была огромная засуха. Из-за нее пало Древнее царство Египта. Нил не разливался несколько лет. Люди умирали от голода. Здесь, на побережье Евфрата, было нечто похожее. Из-за неурожаев рассыпалась империя Саргона Великого. Вероятно, неурожаи не обошли стороной и Мелухху. По крайней мере, после той великой засухи они перестали к нам приплывать.

— Мелухха… какое странное название.

— Да. Они так называли себя сами. Что это слово обозначает на их языке, уже никто не знает.

— И от них совсем ничего не осталось?

— Кое-что осталось. Пойдем, покажу.

Мы поднялись в комнату старика, он открыл сундук, в котором лежали его вещи, и достал три глиняные таблички. На каждой из них было два текста. Один написанный клинописью, а второй — непонятными знаками.

— Что это? Неужели их письмо?

— Да. Это письменность Мелуххи. Этим табличкам около тысячи лет, Якир. Дотронься до них. Представь, люди, жившие так давно, писали эти тексты. Этих людей давно нет в живых. Память о них стерта. А сейчас ты держишь в руках таблички, написанные их рукой. Разве это не удивительно?

— Да. Но что здесь написано?

— Ничего особенного. Это торговый договор между Мелуххой и правителем одного из шумерских городов.

— Какое интересное письмо. Их знаки совсем не похожи на наши. Как они к тебе попали, Лиммир?

— В одном из храмов Урука хранилось множество табличек. К сожалению, не все люди понимают, насколько важны древние тексты, и при разборе в древних хранилищах их хотели выкинуть. Мой учитель не позволил этого сделать. Он передал их мне и просил сохранить. Я их хранил в память о нем. Я потом передам их тебе. Это очень древние тексты, Якир. Их нужно сохранить. Они принесут тебе удачу. Пусть они будут твоим талисманом.

****

Через несколько дней после нашего с Лиммиром разговора приехал отец. Его не было очень долго, около десяти месяцев. Впервые при встрече с ним я почувствовал какое-то странное отчуждение. Я не бежал к нему, как это делал раньше, а стоял в стороне и не мог сделать ни шага навстречу. Меня охватило смущение. Я не понимал, что со мной происходит. Отец взглянул на меня. Он сразу все понял и сам подошел ко мне, крепко обнял, потрепал волосы.

— Якир, как ты повзрослел. — В глазах отца промелькнула досада, смешанная с болью. — Я и не заметил, как ты вырос и перестал быть ребенком. Мне очень жаль, Якир, что меня не было с тобой рядом, что твое детство прошло без меня. Но ты пойми, так было надо.

— Я все понимаю, — сказал я тихим голосом. — Я знаю, что все, что ты делаешь, направлено на благо нашей семьи. Твое дело очень сложное и опасное. Ты рискуешь жизнью, здоровьем, чтобы я мог жить здесь, в этом доме, сытно есть, учиться… Я не живу в нужде, я не вынужден трудиться в поте лица.

— Якир, ты и в самом деле повзрослел. Ты уже совсем не ребенок. Ты рассуждаешь как мужчина. Как ты стал похож на моего отца… — В его глазах показались слезы, он быстро вытер их рукой и вошел в дом.

Отец ни разу не упоминал своих родителей, как будто их никогда не было. Лишь однажды он сказал, что рано остался один и вынужден был сам о себе заботиться. Я уловил в его взгляде тоску по чему-то давно утраченному. Но кто был его отец? На мгновение мне показалось, что этот человек был значим для него. Но тогда почему он никогда не говорил о нем? И тут я подумал, что совсем ничего не знаю о собственном отце, о его семье, друзьях. Он покинул Египет, когда ему было больше двадцати лет. Должны же у него остаться там близкие люди. Почему он мне никогда не рассказывал о них?

Все эти вопросы вихрем пролетели в моей голове. Но потом меня отвлекли, в доме началась суета, ждали важных гостей, накрывали столы.

Отец заметил, что я сильно изменился. Он был в восторге от моих знаний, от того, насколько свободно я стал владеть египетским языком. Все это было благодаря Лиммиру. Однажды я случайно услышал их разговор.

— Лиммир, я должен отметить, что Якир не просто делает успехи в учебе, его уровень знаний вырос в разы.

— Яхмос, я и сам очень привязался к ребенку. Якир способный ученик. Ты можешь гордиться сыном, — ответил Лиммир.

— Я думаю через год начать брать его с собой в небольшие поездки. Успеешь ли ты за это время подготовить его?

— Да. Мы многое изучили. Я бы хотел его научить врачеванию. В дальних странствиях ему это будет необходимо.

— Что будешь делать дальше? Если решишь остаться в Вашшуканни, можешь всецело рассчитывать на мою помощь и поддержку.

— Спасибо, Яхмос. Но я вернусь на родину, в Шумер.

— Да, понимаю тебя. Я бы многое отдал, чтобы вернуться в Египет, — произнес отец. Взгляд его был устремлен куда-то в сторону.

Мое сердце сжалось от боли. Как, Лиммир уедет? И тут я осознал, насколько привязался к старику. У меня не было никого ближе за всю мою жизнь. Он слушал меня, всегда спрашивал, что я думаю. Отец приезжал редко, дядя был занят своими делами, а Лиммир стал мне не просто учителем — он стал мне другом и семьей. В тот момент мне казалось, я не переживу, если он уедет.

Я сел на скамью в саду. По моим щекам катились слезы, я вытирал их ладонью, сосредоточенный на своих тяжелых чувствах, и не заметил, как Лиммир вошел в сад и сел рядом.

— Что случилось, Якир? Почему ты плачешь? — обеспокоенно спросил старик.

— Я слышал, как ты сказал, что уедешь. Лиммир, я не хочу, чтобы ты уезжал. — Я обнял его, прижался головой к его плечу. Подступавшие слезы делали мою речь прерывистой. — Понимаешь, у меня нет никого, кроме тебя. Отец, дядя, мои двоюродные сестры… Я их люблю. Но у нас с ними нет такого понимания, как с тобой. Ты мне очень дорог. Если ты уедешь, моя жизнь опять станет пустой.

— Якир, ты растешь, взрослеешь, становишься мужчиной. Придет час, и тебе придется, подобно твоему отцу, взять на себя огромную ответственность. А это очень сложно, требует больших моральных сил. Заботы и решения трудных жизненных задач требуют от человека колоссальной дисциплины и собранности, что делает его жестче и закаленнее. По-другому не вынести эту ношу. Но это не значит, что человек становится черств и жесток. Нет. Он прячет чувства глубоко внутри. Поверь мне, твой отец очень тебя любит. Он не всегда может это показать. Но я вижу, насколько ты дорог ему.

— Да, я это знаю. Но мне нужен ты. Понимаешь, если ты уедешь и я не буду знать, что с тобой, то с ума сойду от беспокойства. Может, ты заболеешь, будешь нуждаться в помощи или попадешь в беду. Я не смогу тебе помочь. Мне важно знать, что у тебя все хорошо. А как я это узнаю, если ты будешь далеко?

— Якир, не волнуйся. Мы что-нибудь решим. У нас с тобой еще целый год. Нужно его прожить. А потом мы вернемся к этому разговору. — Я видел, что Лиммир еле сдерживал слезы. — Пойдем, я покажу тебе удивительный янтарь. Внутри него древнее насекомое. Ты такого еще не видел. Это подарок твоего отца.

Я немного успокоился и пошел в комнату Лиммира. Он достал из шкатулки оранжевый камень. Янтарь и вправду был чудесный: застывшая смола древнего дерева стала ловушкой для небольшого насекомого. Солнечный камень — так называют его в народе. Говорят, он приносит удачу. Находят его далеко на севере. Там, где живут люди, не знавшие цивилизации: у них нет городов, письма, наук.

— Лиммир, как ты думаешь, почему народы так неравны? Вот у нас есть города, каналы, дворцы, корабли. Мы создали письменность и науки, а другие народы ведут дикий образ жизни. У них даже нет своих государств.

— Ты считаешь, что они не способны к созиданию… это большая ошибка. По разуму эти люди от нас не отличаются.

— Как? Если бы они не отличались, то они бы имели все то, что есть у нас. Но у них ничего нет.

— А где живут эти люди?

— На севере.

— И что это значит, Якир? Где, по-твоему, легче жить? На севере или здесь, у нас?

— У нас.

— Вот ты и ответил на свой вопрос. Все известные тебе страны и города появились в благоприятных районах. Здесь теплый климат, плодородная земля. В Египте, например, можно снимать три урожая в год. А это большой излишек еды. В обществе высвобождается целый пласт людей, которые могут заниматься наукой, управлением, строительством, ремеслами и войной. Скажи мне, сколько урожая можно собрать в холодном климате?

— Наверное, только один — раз в год.

— Да, и вырастить его намного сложнее. Именно поэтому, чтобы прокормить себя, почти все вынуждены заниматься земледелием. У людей нет возможности посвятить себя наукам или развитию ремесел. Это невозможно, когда ты выживаешь. Видишь, Якир, развитие общества определяется условиями жизни, а не способностями народов. Люди все примерно одинаковы.

****

В тот раз отец планировал остаться в городе на более длительный срок. Но однажды его вызвал к себе знатный сановник из дворца царя. Я не помню имени этого человека. Как я сейчас понимаю, отец был не просто торговцем, он выполнял важные государственные поручения. Митанни была на пике могущества, ее влияние распространялось на побережье Средиземного моря, в северные земли и в Сирию, где в то время находилось множество небольших горо-

дов-государств. А кто, как не торговец, имеет самые обширные связи в разных странах, кто, как не он, может собрать важную информацию о состоянии дел в том или ином государстве?

После визита во дворец отец спешно уехал. Он сказал, что будет отсутствовать недолго и после возвращения возьмет меня в Мегиддо. Мегиддо — город, находившийся в нескольких неделях пути от Вашшуканни, там проходили знаменитые ярмарки, на которые приезжали люди со всей Сирии.

Я был несказанно рад. Это было бы мое первое серьезное путешествие в жизни. Ярмарка должна была состояться через несколько месяцев, и я просто сгорал от нетерпения и считал дни до поездки.

Помню, вскоре после отъезда отца мы с Лиммиром обсуждали героя одной египетской сказки — Синухе. Он, испугавшись смуты, бежал из Египта и большую часть своей жизни прожил в Сирии. Но на старости лет Синухе умолял фараона позволить вернуться на родину, так как единственное, чего он хотел, — быть похороненным в Египте. Только захоронение по египетскому обряду и в египетской земле дает человеку надежду на воскрешение.

Что-то в этой истории меня сильно взволновало. У меня появилось какое-то тяжелое предчувствие, от которого я поспешил поскорее отмахнуться. Но вечером перед сном, уже лежа в кровати, я вновь вспомнил сказания о Синухе. «Как странно, — думал я, — для египтянина так важно умереть в своей стране. Вот почему они почти не живут на чужбине».

И тут меня как молнией ударило — ведь мой отец египтянин, и он много лет живет за пределами Египта. Мне вспомнился недавний разговор отца с Лиммиром, где он признался, что хочет вернуться на родину. Но почему он не возвращается? И почему он вообще уехал? Ко мне мгновенно вернулись все те сомнения, которые возникли в день последнего приезда отца. И почему я не спросил о его прошлом? Да и рассказал бы он мне? Нет, я чувствовал, что он бы ушел от разговора. Он не сказал бы мне правду.

Что-то здесь не так. Отец очень образован, у него прекрасные манеры. Значит, он происходил из состоятельной семьи и ему было что терять. Но почему он все бросил и променял сытую жизнь на родине на вечные странствия и тяжелый труд торговца?

Отец никогда мне не рассказывал ни о своей жизни в Египте, ни о своих родителях, братьях или сестрах. Это очень странно. Я бы даже сказал, подозрительно. К чему вся эта скрытность? Семья отца, скорее всего, была богата и влиятельна. Только в таких семьях уделяют огромное внимание образованию детей. Нет, просто так он бы не уехал. Значит, что-то произошло. Что-то заставило его покинуть родину. Но что? Может, он совершил нечто ужасное и вынужден был бежать? Может, он участвовал в каком-нибудь заговоре? Но, с другой стороны, когда он прибыл в Финикию, у него были деньги и связи. Значит, кто-то продолжал помогать ему. Может, у него были сообщники?

Эти мысли беспорядочным роем теснились у меня в голове. Я задавал себе миллион вопросов, на которые невозможно было найти ответы. В конце концов я забылся беспокойным сном.

****

В то время в городе все только и говорили о том, что скоро небольшие города-государства на юге обретут независимость от Египта. Якобы царица Египта умерла, и на трон взошел ее пасынок Тутмос Третий, молодой и неопытный правитель. Говорят, в столице Египта вспыхнул мятеж против нового царя, и ему теперь точно не до своих владений в Ханаане. Более удачный момент и придумать сложно, чтобы избавиться от владычества Египта. Один из друзей дяди сказал, что в Мегиддо собираются все правители и знатные люди Сирии, чтобы собрать крепкую армию и дать отпор фараону. Я заметил, что у дяди загорелись глаза.

Как-то за завтраком дядя предложил поехать в Мегиддо заранее. Он сказал, что нельзя упускать возможность обзавестись новыми знакомствами и связями, особенно сейчас, когда там собрались все знатные люди Сирии и Ханаана. Я просто поверить не мог своему счастью. Но в то же время я хотел поехать с отцом.

— Дядя, а как же отец? Он тоже планировал поехать с нами.

— Не волнуйся, Якир. Яхмос приедет чуть позже. Мы будем ждать его в Мегиддо.

Я обратил внимание, что Лиммир не разделяет моего восторга. Наоборот, он выглядел крайне обеспокоенным.

— Аршмат, — произнес он, — ты же понимаешь, почему все эти люди собираются там? После смерти Хатшепсут новый фараон Тутмос собирает войско, чтобы вернуть власть Египта над Сирией. И скорее всего, он отправится в Мегиддо. Не уверен, что благоразумно ехать туда накануне военных действий.

— Тутмос? Не смеши меня, Лиммир. Что он может? Он слишком юн и не имеет никакого опыта. Тем более он еще не подавил мятеж в своей столице. Вряд ли ему вообще есть дело до своих бывших владений. Кадеш силен как никогда. У него куча союзников. Митанни поддерживает Сирию в их борьбе против Египта. У Тутмоса нет ни единого шанса, поверь мне.

Через неделю после этого разговора мы отправлялись в Мегиддо. С нами ехал мой дядя, Лиммир, слуги и вооруженная охрана. Но вместо радости я чувствовал какое-то непонятное смятение и грусть. В последний раз я посмотрел на свой дом, на сад, в котором так любил сидеть. Когда мы выезжали из города, я обернулся, чтобы взглянуть на Вашшуканни, освещенный пробудившимися лучами солнца. В тот момент я почувствовал, что не увижу его больше никогда. Я покидал пределы Митанни, моей родины, страны, оставшейся навсегда в моем сердце, страны, в которую мне не суждено было вернуться.

Глава 2. Первое путешествие

Путь до Мегиддо занял около тридцати дней. Мы ехали не одни, с нами были и другие путники — караван из тридцати человек, не считая охраны. Передвигались мы на повозках, иногда пешком, товары и другой груз разместили на мулах и ослах.

Эта поездка была чем-то удивительным — она открывала мне совершенно другой мир. Здесь, на природе, вдали от цивилизации, незнакомые люди очень быстро становились друзьями, вне зависимости от их положения в обществе. Видимо, срабатывал древний закон выживания, побуждающий людей сплотиться перед лицом трудностей. Долгий путь таит массу опасностей: дикие звери, травмы, грабители. Единственное, на что можно рассчитывать, — это плечо товарища.

Компания у нас была очень веселая. Постоянно раздавались шутки, смех, песни. А как удивительны были вечера… Мы останавливались на ночлег иногда в какой-нибудь деревне, иногда в чистом поле, разжигали костер, и в ночной тиши рассказывались истории — разные эпизоды из жизни наших попутчиков. В основном о приключениях в разных странах, о потере близких и друзей, о чудесном спасении из сложных и опасных ситуаций. Я внимательно их слушал, буквально ловил каждое слово.

Истории… как же они важны, особенно тогда, когда сам еще не имеешь жизненного опыта.

Больше всего я любил рассказы о потусторонних, мистических вещах, как и все дети моего возраста. К счастью, таких историй было великое множество. Даже мой дядя, человек далекий от разговоров подобного толка, припомнил парочку загадочных происшествий. Молчал только Лиммир. Он задумчиво смотрел на костер и размышлял о чем-то своем. Наконец дядя спросил его, что он обо всем этом думает. Я был уверен, что Лиммир скажет, что все это выдумки, не имеющие к реальности никакого отношения. Ведь он всегда и во всем опирался на факты и с презрением относился к суевериям. Но старик опять поразил меня.

— Что я думаю? Есть вещи, которые невозможно постигнуть разумом. Много лет назад со мной произошло нечто странное. Я до сих пор не могу найти объяснение…

— Что произошло? Давай, Лиммир, не томи, рассказывай, — сказал дядя.

— Ну что ж… Это случилось много лет назад. Я был совсем юн и легкомыслен. В то время я жил в Фивах, осваивал мудрость жрецов Амона, изучал религию и язык Египта. Как раз тогда в дальних оазисах, расположенных на западе, глубоко в пустыне. Местные племена кочевников стали выступать против власти Египта. Беспорядки достаточно быстро прекратились, но тем не менее фараон решил направить туда боевой отряд для предупреждения подобных вещей в будущем. Отряд отправлялся в самый большой оазис — оазис Амона. Известно, что это место особо почитаемо у египтян, и я очень хотел туда попасть. Мои друзья замолвили за меня словечко, и я отправился в дальнее странствие. Путь был непрост, мы плыли по Нилу до Средиземного моря, затем уже морем добрались до небольшого городка, от которого начинался сухопутный маршрут. Сначала мы шли по достаточно плодородным местам, которые затем превратились в каменную бесплодную долину. Мы шли на юг. Помню, проводник вел нас по руслам высохших рек. Но самое страшное было впереди — бескрайние пески пустыни. Это был самый тяжелый и опасный участок пути. Сахара заворожила меня. Я раньше ничего подобного не видел. Барханы песка, освещенные заходящим солнцем.

— Лиммир, — произнес дядя, — это же безумие — отправиться в пустыню. Можно остаться без воды, если колодец пересыхает или проводник сбивается с пути. Лошади, ослы не приспособлены выживать в подобных условиях.

— Есть еще верблюды, — сказал кто-то из путников. — Говорят, их пытаются приручить.

— А я слышал, что это невозможно, — сказал дядя, — эти животные своенравны и агрессивны. Но ладно, мы отвлеклись. Продолжай, Лиммир.

— Да. Это было безумием — отправиться туда. Но я был молод и даже мысли не допускал, что со мной что-то может случиться. Я даже не удосужился поинтересоваться, как ориентироваться в пустыне, в какой стороне света находится наш оазис. Я был очень беспечен. И это едва не стоило мне жизни. Мы уже шли по пескам несколько дней, и ничего не предвещало беды. Все случилось внезапно. Что-то просвистело у меня над ухом. Я инстинктивно повернулся и увидел, как мой товарищ падает на землю, его грудь пронзена стрелой. Я прыгнул к нему, пытаясь приподнять его голову. В этот момент шквал стрел обрушился на наш караван. Я не понимал, откуда они летят, кругом были огромные барханы. Я слышал, как падали мои спутники. Затем появились кочевники. Те, кто был еще жив, оказывали им сопротивление. У меня не было оружия. Я неподвижно сидел у тела умирающего друга. В тот самый миг я почувствовал удар по голове и потерял сознание. Нападавшие, скорее всего, подумали, что я мертв, и это сохранило мне жизнь. Не знаю, сколько времени я там пролежал. Когда я очнулся, солнце начинало садиться. Голова адски болела, меня сильно тошнило, в глазах туман. Я стал смотреть, остались ли выжившие, но нет, все мои товарищи были мертвы. Кочевники забрали у нас часть ценных вещей. Но всё увезти они не смогли, значит, рассудил я, в любой момент вернутся — нужно уходить. Я не понимал, куда иду, лишь бы дальше от этого места. Не знаю, сколько я шел. Была ночь. Видимо, в какой-то момент я вновь потерял сознание.

— Что было дальше? Как тебе удалось выжить? — спросил дядя.

— Когда я очнулся, было уже светло, голова у меня продолжала болеть, я плохо понимал, где нахожусь и что происходит. И тут я увидел человека лет тридцати. Он сидел на песке и пристально на меня смотрел. Его одежда выдавала жителя Сахары. На нем были тюрбан и длинная шерстяная накидка. Я заметил глубокий шрам на его лице, как будто перечеркивавший левую щеку. Скорее всего, этот шрам он получил в бою. Первая мысль, которая пришла мне в голову: меня убьют — так же, как и моих друзей. Человек увидел страх в моих глазах. «Тебе ничего не грозит, я помогу тебе», — произнес незнакомец на египетском языке, но с очень сильным акцентом. «Кто ты?» — спросил его я. «Меня зовут Илим, я живу в оазисе Амона, там, куда ты идешь. Он недалеко. В двух днях пути. Вижу, вода у тебя есть, — он посмотрел на флягу, привязанную к моему поясу. — Ступай за мной. Но не приближайся слишком. В сам оазис я не зайду, но ты иди в мой дом, там найдешь моего сына. Он окажет тебе помощь и предоставит приют. Меня в городе знают все, просто скажи, что тебе нужен дом проводника Илима».

— Как же тебе повезло, Лиммир, встретить человека среди безлюдной пустыни. Это чудо, — произнес я.

— Да. Но самое интересное впереди. Я шел за ним. Но не приближался, как он и просил. Идти мне было тяжело из-за раны. Я был очень слаб, голова кружилась. Мой спаситель терпеливо ждал меня, если я садился отдохнуть. Когда наступил вечер, он жестами показал мне, что нужно прилечь на ночной привал. Утром я вновь увидел его на горизонте и продолжил идти. Когда он взобрался на вершину бархана, он указал рукой вниз. Я сразу понял, что оазис близок. Когда я сам достиг вершины, то увидел вдали пальмы. Я надеялся, что это не мираж. Я стал оборачиваться и искать Илима, но его нигде не было. Он как будто растворился в воздухе. Я начал его звать, но тщетно. Он исчез, а я даже не отблагодарил его. Когда я пришел в город, то попросил первых встреченных мной людей отвести меня в дом проводника Илима. И тут я снова потерял сознание. Очнулся я в комнате, мне дали воды, немного еды и стали задавать вопросы. Я рассказал этим людям все, что со мной случилось, включая историю моего удивительного спасения хозяином этого дома, Илимом. Тут я увидел на лицах людей шок, перемешанный со страхом. «Скажи мне, как выглядел человек, спасший тебя?» — спросил меня дряхлый старик, сидевший все это время в комнате. «У него на лице был шрам», — ответил я. Тут в комнате установилась мертвая тишина. Я не понимал, что происходит. «Илим мне ска-

зал, что его сын окажет мне помощь», — произнес я. «Я его сын», — ответил старик. Теперь уже меня сковал ужас и страх. Я смотрел на старца и ничего не мог сказать. Мне казалось, что, может, я сошел с ума или умер и сейчас блужу в потустороннем мире. «Много лет назад, когда я был ребенком, — продолжал старик, — мой отец вел группу египтян сюда, в наш оазис. Он делал это сотни раз, он знал пустыню как свои пять пальцев. Он не мог заблудиться. Их видели у одного из колодцев, когда они были в двух днях пути до города. Но потом они исчезли. Как будто сама пустыня поглотила их. Никаких следов борьбы, ничего. Их искали почти все мужчины города в течение многих дней, и ничего. И тут приходишь ты и говоришь, что видел моего отца, пропавшего много десятилетий назад». Что тут сказать, эта новость облетела весь город. Все, включая меня, пришли к выводу, что дух Илима обитает в пустыне и помогает заблудшим путникам. Эта история наделала много шума. Я стал местной знаменитостью, меня с огромным сожалением отпустили из города. По прошествии многих лет я размышлял об этом снова и снова, искал объяснения, но так их и не нашел.

Рассказ Лиммира произвел на всех неизгладимое впечатление. Кто-то сказал, что тоже слышал подобные истории, когда духи помогали живым. Но Лиммир скептически покачал головой.

— Лиммир, ты сомневаешься, что это был призрак? — спросил я.

— Сначала нет. Но со временем — да.

— Это был человек, — сказал дядя.

— Аршмат, мне было бы интересно послушать твою версию событий и сравнить ее со своей.

— Хорошо. Ты сказал, там был мятеж. Часть недовольных властью фараона бежала в пустыню. Наверняка они прятались в мелких оазисах, остатках зеленой Сахары. Местные про них прекрасно знают. Именно они на вас и напали. Ведь ты сказал, что шел в составе боевого отряда. Когда они вернулись за добычей, то заметили, что один покойничек исчез. А тут еще увидели твои следы на песке. Вот они и решили отправить одного из головорезов прикончить тебя.

— Но зачем? — спросил я. — Ведь Лиммир был ранен и вряд ли бы выжил в пустыне.

— Нападение было в двух днях пути до города. Это близко. Там же есть еще мелкие оазисы, в которых тоже кто-то проживает. Периодически люди ходят по пустыне, обменивают товары. Кто-то мог обнаружить Лиммира и доставить в оазис Амона. Тем более кочевники не знали, насколько серьезно он ранен. Но лишние свидетели им не нужны. Возможно, пока Лиммир был без сознания, они обсуждали что-то, не предназначенное для чужих ушей. И вот кочевник находит Лиммира — тот спит. Возможно, кочевник уже занес над ним свой кинжал, но не смог осуществить задуманное. Никто не знает почему. Может, он напомнил ему брата или сына. Помните, Лиммир сказал, что, увидев его впервые, подумал, будто это один из нападавших? А первое впечатление обычно самое верное. Еще кочевник понял, что Лиммир не египтянин: возможно, в бреду ты что-то бормотал по-шумерски, и кожа у тебя светлее. Но одно разбойник сообразил наверняка: ты не знаешь местных языков, потому не разболтаешь их секретов. И он решает тебя спасти.

— Но ведь он сказал, что он Илим, — заметил один из путников.

— А что ему оставалось делать? Своим именем он назваться не мог. Скорее всего, был в бегах. Да и вообще, не хотел, чтобы про него знали. Вот и смекнул назваться именем проводника, пропавшего много лет назад при загадочных обстоятельствах. Тем более у него тоже был шрам на лице. Люди такое любят и с радостью ухватятся за продолжение истории. Наверняка она уже облетела всю Сахару. Этот кочевник был очень хитер.

— Но прежде всего он был великодушен — он меня спас.

— Да. Это говорит о нем как о человеке, не лишенном благородства, — произнес дядя.

— Вот почему он держался от Лиммира на расстоянии! — воскликнул я. — Кочевник не хотел, чтобы Лиммир его подробно рассмотрел, да и вблизи любой отличит духа от живого человека.

— Верно, — произнес Лиммир. — Но только после отъезда из оазиса ко мне вернулась способность здраво мыслить, и я смог проанализировать все, что со мной произошло.

— Но шрам? — спросил я.

— Якир, у людей, участвующих в битвах, шрамы — привычное дело. Наверняка и настоящий Илим принимал в них участие. Но мы можем лишь высказывать версии. Возможно, это был дух, а возможно, человек. Правды мы не узнаем никогда, — ответил Лиммир.

— Но что случилось с настоящим проводником Илимом? — спросил я. — Куда он исчез, да еще с целым караваном? Может, их убили, а тела занесло песчаной бурей?

— Нет. Не было никаких бурь. А те несколько местных, что были с Илимом, знали пустыню как свои пять пальцев. Караван насчитывал около сотни человек: жрецы из Фив и другие знатные люди, охрана. Их видели недалеко от города. Несколько путников из соседнего оазиса возвращались домой. Они отлично знали Илима. Он их поприветствовал, сказал, что и сам через два дня планирует быть дома. Ни один из каравана не погиб и не заболел, не получил увечье, но в оазис они так и не пришли. В Египте пропажа высокопоставленных вельмож вызвала шок и гнев самого фараона. В пустыню приезжали его люди. Долго искали пропавших путников, но не нашли. Ни одного следа, ни одной зацепки. Неудивительно, что эта история до сих пор будоражит умы. Да, есть вещи, которые невозможно объяснить, они навсегда останутся тайной.

****

Наш путь пролегал через долины, по окраинам которых росли кедры, дубы, оливковые и фисташковые деревья. Дул освежающий ветерок, еще не установилась изнуряющая жара, характерная для летних месяцев. Это был март.

Я с интересом вглядывался в незнакомые пейзажи, пытаясь запечатлеть в своей памяти каждый момент своего первого путешествия. Особенно прекрасны были луга, раскинувшиеся пестрым ковром: здесь росли маки, ирисы, тюльпаны. Их аромат кружил голову.

— Лиммир, лесов совсем мало. Я слышал, дядя говорил, что древесина стала гораздо дороже.

— Конечно, деревья на этой территории вырубаются уже много столетий. Густые леса остаются только в труднодоступных местах.

— Лиммир, смотри! Слоны!

На другом конце долины появились настоящие гиганты! Около пяти слонов, и с ними маленький слоненок. Наш караван остановился и наблюдал за животными.

— Якир, тебе очень повезло, слоны теперь такая редкость, — сказал Лиммир.

— Но почему?

— Тут две причины, на мой взгляд. Первая — это вырубка лесов. А вторая — это охота. У богатых охота на слонов — забава и развлечение, а у бедных — способ заработать себе на жизнь. Ты же знаешь, как ценится слоновая кость. Пройдет одно столетие, и эти прекрасные животные исчезнут.

— Как же их жалко! Неужели в мире больше не останется слонов?

— Нет, мир огромен. Слоны живут в Африке, южнее Сахары. Еще помнишь, я рассказывал тебе про Мелухху? Там тоже обитали слоны. По крайней мере, их изображения есть на тех таблицах, которые я тебе показывал.

— Лиммир, помнишь, дядя сказал, что оазисы — это остатки зеленой Сахары. Что это значит?

— Это значит, что еще пару тысяч лет назад Сахара была благословенным краем: полноводные реки и озера, леса и луга, по которым бродили разные животные. На этой территории жило много людей, они разводили скот, охотились в густых лесах, ловили рыбу в многочисленных реках и озерах. Но потом все резко изменилось. Знойное солнце иссушило землю, превратив ее в бесплодную пустыню. Начался голод. Люди вынуждены были покинуть места, на которых жили их предки. В древности в Сахаре было огромное озеро, размером больше Митанни, а в сезон дождей из него лилась в океан полноводная река. Понимаешь, какая это была земля? Теперь о ней остались лишь воспоминания.

— Но откуда все это известно? Как все могло так быстро измениться? Разве так бывает?

— Откуда известно? Ну, во-первых, есть записи жрецов в храмах Египта. Ведь египтяне тоже появились на берегах Нила из Сахары. В древности, когда климат был гораздо более влажным, долина Нила не казалась людям благополучной для жизни. Сырость, насекомые, крокодилы и бегемоты — это место таило в себе кучу опасностей. Но около пяти тысяч лет назад зной и голод заставили предков египтян переселиться в эти места, которые стали более пригодными для жизни. Но и сама пустыня сохранила следы прошлого. Ты же знаешь, что в Сахаре существуют русла пересохших рек?

— Да. Ты говорил, что путники ориентируются по ним в пустыне.

— Да. Но и это не все. В пустыне есть небольшие скалы с нанесенными на них древними рисунками. Я их видел. Наш проводник говорил, что они встречаются по всей Сахаре.

— Что за рисунки? — с удивлением спросил я.

— Изображения слонов, зебр, львов, косуль, а еще лесов, рек, сцен охоты. Люди, которые это рисовали, и представить не могли, что в ближайшем будущем на этом цветущем месте будет мертвая пустыня.

Мне стало совсем грустно. Я понимал, конечно, что жизнь человека коротка и проходит быстро, но чтобы исчезали целые земли, причем так быстро, я представить не мог. Хотя чему удивляться? Ведь Мелухха тоже быстро исчезла. Это была огромная и богатая страна, а теперь кто про нее знает? Интересно, что будет с Митанни? Вдруг и она исчезнет и время сотрет все воспоминания о ней? Нет. Это невозможно. Я не хочу в это верить. Такая страна не исчезнет, а Вашшуканни простоит еще не одно тысячелетие. Мелухха находилась очень далеко, она была отрезана от всего мира. Кто знает, вдруг она до сих пор существует, но ее торговцы по каким-то причинам перестали приплывать в Шумер? Такие огромные и богатые города просто так не исчезают. Шумерские города процветают, хотя им тысячи лет. И Египет, он же тоже не исчез? Лиммир сказал, что пять тысяч лет назад предки египтян пришли в долину Нила и основали там свое государство. Интересно, что это за страна — родина моего отца? Как было бы здорово там побывать, посмотреть на могучий Нил.

— Лиммир, помнишь, ты мне говорил, что первые цивилизации возникли там, где можно снимать избыток урожая? В Египте это возможно благодаря Нилу?

— Да, конечно.

— Ты еще сказал, что города и наука возникают там, где для этого есть благоприятные условия. Но как ты объяснишь тот факт, что Нил течет через многие земли и страны, но жители этих земель не смогли построить что-нибудь, сравнимое с Египтом?

— Нил не везде течет одинаково, Якир. В Египте его разливы предсказуемы и происходят плавно. В Нубии же местность другая. Река зажата между скал и не может полноценно разлиться. Разливы происходят резко, смывая все на своем пути. Ил на берегах остается, но его слишком мало. Поэтому и слой плодородной земли незначителен, излишек урожая с него не получить. Еще в Нубии есть пороги. Это когда река при своем движении встречает препятствие в виде подводных скал и утесов. Судоходство там практически невозможно. Река не может использоваться полноценно как средство передвижения.

— А что дальше за порогами?

— Говорят, на юге река разделяется на две части. Их называют Голубой и Белый Нил. Белый Нил течет дальше на юг, а Голубой течет на восток, в страну Пунт.

— Кто-то доплывал до этой страны по реке?

— Нет. Это невозможно. Река имеет быстрое течение и множество порогов. Это верная смерть. А Белый Нил упирается в огромные непроходимые топи. Река разливается на гигантские расстояния. Плыть там совершенно невозможно.

****

Мы прошли уже половину пути, когда я увидел следы разрушений: заброшенные деревни, опустевшие дома… Нам встречались и люди. Они явно жили в крайней бедности и нужде. Лиммир сказал, что это территория царства Ямхад, в свое время очень влиятельного государства, которое контролировало торговые пути из Средиземного моря в Месопотамию. Оно затмевало даже могущественный Вавилон. Правда, просуществовало это государство недолго, всего двести лет. Внутренние смуты ослабили страну, и она пала под натиском хеттов.

— Да. Я слышал про это царство. Его столица, город Халеб, сейчас принадлежит Миттани.

— Да. Столицу восстановили, а вот другие владения Ямхада пришли в упадок после того, как хетты стерли его с лица земли, — сказал Лиммир.

Мы остановились в небольшом поселении. Когда-то это был милый городок с красивыми домами и садами, но сейчас все заросло травой и сорняками. Здания давно не ремонтировались, крыши сильно обветшали, ставни держались на честном слове. Город представлял собой лишь слабую тень своего былого могущества. Гуляя по его улицам, мы обнаружили небольшую плиту из белого камня. На ней я прочитал имя Хаммурапи.

— Лиммир, неужели Хаммурапи дошел со своим войском и до этих земель?

— Нет. Царство Ямхад было слишком могущественно, чтобы покориться Вавилону. Да и находится оно не близко. Доставить сюда большое войско совсем непросто. Представь себе, одного из царей Ямхада тоже звали Хаммурапи. И он даже жил в одно время с царем Вавилона. Это имя достаточно популярно среди аморейских династий.

— Я этого не знал. Надо же, два Хаммурапи, и правили в одно и то же время. Интересно, как складывались их взаимоотношения?

— Вавилон напал на Мари и разрушил его. А это был древний и достаточно сильный город на реке Евфрат. Хаммурапи стер его с лица земли, и Мари больше никогда не возродился. Мари был союзником Ямхада. Это испортило отношения двух стран. Они находились в состоянии вражды, но до прямых столкновений дело не дошло.

— Да, я слышал про Мари. Отец был на руинах этого города. Хаммурапи разрушил дворец и сравнял с землей защитные стены. Он сделал все, чтобы город навсегда исчез с лица земли.

— Ты прав, Якир. Мари находился на очень выгодных торговых маршрутах. Хаммурапи хотел их контролировать. А восстановленный город всегда будет стремиться к самостоятельности и со временем отделяться от центра.

Когда мы вернулись в лагерь, то увидели, что к нашему каравану присоединились новые попутчики. Человек пятнадцать. Часть из них — всадники, часть передвигались на повозках. Судя по внешнему виду, люди состоятельные. Дядя сказал, что он их знает. Это торговцы из Вавилона, с которыми у него были дружеские отношения. Он предложил им пойти дальше вместе.

Мое внимание привлек паренек лет пятнадцати-шестнадцати, который стоял у костра с другими путниками. Я очень обрадовался: мне не хватало общения со сверстниками. К нам

подошел дядя и представил нас своим друзьям. Мальчика звали Нацир. Он путешествовал с отцом и слугами. Они прибыли из Вавилона и держали путь в Акко, город на морском побережье.

На следующее утро Нацир сам подошел ко мне.

— Привет, Якир!

— Привет, — ответил я.

— Сколько тебе лет?

— Двенадцать.

— Ты на чем передвигаешься? — спросил Нацир, хитро прищурив глаза.

— Как и все. Либо пешком, либо в повозке.

— А я на коне, — важно ответил Нацир.

В его взгляде читались надменность и чувство собственного превосходства. Я нисколько не обиделся, поскольку был поражен тем, что у подростка есть свой конь. Коня могут себе позволить лишь очень богатые и знатные люди. Колесницы, запряженные лошадьми, — это привилегия царей, основа их армии. А для простых смертных это несбыточная мечта. Да и зачем беднякам кони? Ослы и мулы прекрасно перевозят грузы и незаменимы в походе на дальние расстояния.

В этот момент слуга подвел к Нациру коня, на которого мой новый знакомый вскочил очень ловким и быстрым движением. Он прекрасно держался на нем. Нацир чувствовал каждое движение животного, как будто бы они были единым целым. Я с восхищением на него смотрел. Для меня он сразу стал тем, на кого хочется равняться. Нацир, кажется, заметил, какое впечатление произвел на меня, и стал ко мне относиться более снисходительно.

Он ехал рядом со мной, на стоянках мы тоже сидели вместе. Нацир много рассказывал о себе, о своей жизни, такой, о которой я мог только мечтать. И мечтал! Я ловил каждое его слово.

Он уже несколько лет сопровождал отца. Где он только не был! Даже плавал на корабле по морю. А однажды на них напали пираты, и Нацир сражался наравне со всеми. Им удалось не только отбить свой корабль, но и захватить корабль пиратов. Караваны его отца, рассказывал Нацир, пересекали и Сахару, и Сирийскую пустыню. Вот тут-то у меня закралась тень сомнения в правдивости историй Нацира: трудно было не заметить, что Нацир не очень хорошо представляет путешествие по жарким пескам. Но я решил не подавать виду, боясь обидеть Нацира и лишиться его общества.

Лиммир был недоволен моим общением с Нациром. Помню, он сказал: кто много говорит, мало делает. Болтовня, внушал Лиммир, часто является ширмой, за которой прячутся бездари и трусы. Он не запрещал мне общаться с новым приятелем, но просил быть с ним настороже. И как всегда, Лиммир оказался прав, а моя беспечность чуть не стоила мне жизни.

****

Через пять дней мы прибыли к руинам древнего города. Около него располагалась небольшая деревня, где мы и остановились. Это был знаменитый Эбла, один из самых старых городов мира, построенный из белого камня. Он находился на высоком холме, и несложно было представить, какое грандиозное впечатление он некогда производил на путешественников. Да и сейчас от его руин захватывало дух.

— Лиммир, этот город ровесник шумерским городам? — спросил я.

— Эбла возник примерно полторы тысячи лет назад. Согласно клинописным текстам, шумерские города были основаны около трех тысяч лет назад. Впрочем, сначала это были скорее крупные поселения людей, а городами они стали чуть позже.

— Ого, я даже представить себе не могу такую древность!

— Во времена своего расцвета Эбла был мощным государством и контролировал значительные территории. Этот город вел торговлю с Шумером, — ответил Лиммир.

— А на каком языке они говорили?

— По своей структуре язык эблаитов был похож на аккадский. Но и шумерский язык здесь широко использовался. Помнишь, я тебе говорил, что несколько веков назад шумерский был основным языком на территории Междуречья и Сирии? Здесь, в Эбле, его изучению уделяли особое внимание. Вся деловая переписка велась на шумерском. Аккадский язык начал набирать силу примерно в это же время, но долгое время оставался разговорным и лишь после завоеваний Саргона Аккадского стал официальным языком в Месопотамии, вытеснив шумерский. Именно армия Саргона разрушила Эблу. Город восстановили, но он никогда не достиг прежнего могущества. Его поглотило молодое и сильное царство Ямхад. А затем появились хетты, которые окончательно уничтожили город. Это было лет семьдесят назад. Город больше не восстанавливали. На сегодняшний день эти развалины — все, что от него осталось. В возрождении нет смысла — город потерял торговое значение.

Мы с Лиммиром зашли на территорию города, чтобы посмотреть на руины некогда великого царства. Прошлись по его мощеным улицам, достигли торговой площади. «Неужели тут когда-то была жизнь?» — подумал я. Шумные торговцы предлагали свой товар, привередливые покупатели пытались сбить цену, воздух был наполнен запахом специй и свежеиспеченного хлеба… А сейчас от всего вокруг веяло могильным холодом. Нас окружали полуразрушенные дома, темные от копоти пожара, сорняки росли повсюду, а на площади осталось что-то наподобие прилавков. Ветер завывал в узких улицах, где-то скрипели то ли двери, то ли ставни. Кроме нас с Лиммиром, здесь никого не было, но мне казалось, что я чувствую на себе чей-то тяжелый взгляд. Как будто души тех, кто жил тут когда-то, наблюдали за мной. Мне стало жутко, по коже забегали мурашки. Я представил последние минуты жизни города: крики, стоны, страх. Да все здесь пропитано ужасом и страхом. У меня возникло непреодолимое желание уйти.

— Лиммир, что-то мне не по себе. Давай уйдем отсюда.

— Хорошо, Якир. Это место навевает много грустных мыслей. Здесь повсюду следы пожара. Много мирных жителей погибло на этих улицах. Хетты были беспощадны. Но посмотри на дворец. Видишь его стены? Посмотри, насколько он был огромный. Говорят, под ним целый лабиринт подземных ходов.

— Давай подойдем поближе?

— Нет. Это опасно. Здания старые и в любой момент могут обрушиться.

Когда мы вернулись, было время обеда. Я сидел вместе со всеми и слушал разговоры взрослых. А обсудить было что. Оказывается, дядя спросил у местных в деревне, безопасен ли дальнейший маршрут. Кто-то из путников пустил слух, что в округе появилась банда, которая нападает на путешественников, забирает товар, а их самих продает в рабство. Дяде ответили, что у них был односельчанин по имени Якин-Илу. Он отвечал за охрану поселения и был достаточно уважаемым человеком. Но со временем он стал требовать больше денежных отчислений за свою работу. Люди здесь и так концы с концами еле сводят. Торговые караваны сюда заходят редко. Жители устали от самоуправства Якин-Илу и изгнали его из деревни. Теперь он сколотил настоящую банду и держит всех в страхе. Но нашему каравану бояться нечего, так как нападает он больше на одиноких путников, неспособных оказать достойное сопротивление. Все согласились с этим предположением. У нас было достаточно и охраны, и оружия. Вряд ли небольшая шайка разбойников осмелится на нас напасть.

****

После обеда ко мне подошел Нацир. Он отвел меня в сторону, чтобы нас никто не слышал.

— Якир, ты был в старом городе? — спросил он.

— Да. Мы недавно вернулись оттуда.

— А дворец ты видел?

— Мы не подходили близко. Лиммир сказал, что это опасно. Здание ветхое.

— Глупости. Нет там ничего опасного. Я там был. Нас водил местный проводник. Там очень интересно. Полно разных коридоров, комнат. Отец торопился в лагерь, и мы толком ничего не посмотрели. Давай сходим туда на пару часов?

— Но что я скажу дяде и Лиммиру?

— Зачем говорить? Они все лягут отдыхать. Нас никто и не хватится до ужина.

— Ну не знаю…

— Якир, ты что, боишься? Ха, да ты испугался, как девчонка! А еще говоришь, что хочешь путешествовать со своим отцом. Тебе страшно сходить на какие-то развалины, которые находятся тут недалеко от охраны. Куда тебе плавать на кораблях и сражаться!

— Ничего я не боюсь! Просто не хочу неприятностей с дядей!

— Он не узнает. Мы управимся за пару часов.

— Хорошо. Пойдем. Давай только возьмем трут и факел.

— Это еще зачем?

— А если мы задержимся? Скоро стемнеет. В темноте мы дорогу будем искать очень долго. Мне тогда точно влетит от дяди.

— Хорошо. Возьмем. Давай потихоньку уходить. Главное — никому не попадаться на глаза.

Нам удалось выбраться незамеченными из лагеря. Мы бежали всю дорогу — времени было мало, а нам хотелось подольше задержаться на развалинах. Когда мы достигли дворца, я понял, почему Нацир был одержим мыслью сюда вернуться. Здание было огромным. Колонны внутри из белого камня. На стенах и потолке сохранились росписи, изображавшие диковинные цветы, пестрых птиц, сцены битв и охоты. Краски сохранили яркость, лишь кое-где штукатурка осыпалась, обнажив грубую кладку. Мы пошли дальше по коридору, заглядывали в многочисленные комнаты, рассуждали о том, кто тут мог жить. Как же там было красиво когда-то! Даже остатки былой роскоши произвели на нас сильное впечатление. Однако все самое ценное вывезли хетты, остальное растащили местные. Дворец пустовал. На полу — остатки разбитой посуды и сгоревших в пожаре предметов, перемешанных с землей. Коридор привел нас к лестнице на второй этаж. Она была в таком плачевном состоянии, что даже Нацир не рискнул подняться по ней.

Мы долго бродили по руинам, захваченные необычными переживаниями, и потеряли чувство времени. Опомнились, когда уже солнце стало садиться.

— Нацир, нам пора. Смотри! Сейчас стемнеет.

— Да. Нужно уходить. Пойдем скорее.

Мы побежали к выходу. Уже приблизились к нему, как вдруг под нашими ногами резко обвалился пол, и мы кубарем полетели в темную мрачную бездну. Все произошло внезапно, я ничего не успел понять. Во время падения мне казалось, что сердце вот-вот вырвется из груди. Мы упали в какую-то кучу, что, вероятно, спасло нас от тяжелых травм. Затем мы вскочили и первое время молча смотрели друг на друга. От шока я не мог говорить — слова будто застряли в горле. Нацир тоже что-то пытался сказать, но так тяжело дышал, что до меня долетали лишь обрывки бессвязных слов. Я стал растерянно оглядываться вокруг, не понимая, где мы и как тут оказались. Затем посмотрел наверх и увидел зияющую дыру в потолке, из нее неровными краями торчали доски. Тут я все понял. Со временем деревянные перекрытия прогнили и не

смогли выдержать наш вес. Лиммир же меня предупреждал! Зачем я сюда пришел? Дворец стоял заброшенный много десятилетий, а к тому же пережил пожар.

— Нацир, факел все еще у тебя? Нужно хорошенько осмотреться.

— Да. Сейчас.

Нацир зажег факел, и мы увидели, что находимся в огромном помещении. Куча, на которую мы упали, представляла собой рулоны истлевшей ткани. Эбла славилась их изготовлением. На полу лежал мусор, черепки от посуды. В углу мы увидели нечто странное. Затаив дыхание, мы подошли поближе. У меня бешено заколотилось сердце. Это были останки человека. Рядом с ним лежала стрела, вернее то, что от нее осталось.

— Якир, смотри. Этот человек был убит стрелой.

— Скорее всего, он был ранен. У него хватило сил спрятаться здесь.

— Какое жуткое место, — впервые я заметил, что голос Нацира задрожал. Я почувствовал, что он боится. Я думал, это чувство ему незнакомо.

— Нацир, нам нужно остаться здесь и ждать помощи. Нам самим не выбраться наверх.

— Якир, смотри, там коридор. Возможно, мы найдем выход.

— Нет. Мы заблудимся. Лиммир говорил, что под дворцом лабиринты подземных ходов. Лучше остаться здесь и ждать помощи. Нас будут искать. Они придут сюда. Возможно, уже скоро.

— Послушай, мы не пойдем далеко. Просто пройдем немного по коридору. Если там нет выхода, то вернемся сюда и будем ждать. Но давай хотя бы попробуем.

— Хорошо. Пойдем. Но недалеко.

Мы вошли в коридор, с полом и стенами из того же белого камня, что и сам дворец. Коридор шел прямо, без поворотов и ответвлений. Заблудиться тут было сложно, и мы продолжили путь. Внутри мы чувствовали себя неуютно: затхлый воздух, пыль, все пронизано сыростью. Одетые в легкую одежду, вскоре мы замерзли так, что перестали чувствовать пальцы на руках и ногах. Около стен раздавался шорох и писк: крысы шныряли в поисках еды. Но мы упорно продвигались вперед. Мрачный туннель как будто затягивал нас вовнутрь. Мы шли, движимые любопытством и желанием узнать, куда он ведет, какие тайны перед нами откроет. Внезапно коридор резко повернул налево, и мы оказались в небольшом зале. Я увидел две арки, из которых новые коридоры вели в противоположные друг другу направления. Мы поняли, что если пойдем дальше, то точно заблудимся, и решили вернуться. Вдруг раздался резкий грохот. Стены задрожали. Когда снова наступила тишина, мы рванулись к выходу. Тот был завален. Мы оказались в смертельной ловушке.

****

Это был конец. В любой момент мог произойти новый обвал, который погребет нас заживо. Вначале я впал в оцепенение. Я вообще ничего не чувствовал: ни страха, ни отчаяния — ничего. Нацир пытался расчистить завал. Но разве это возможно голыми руками? Булыжники, перекрытия, тяжелые камни… Даже будь у нас инструменты, вряд ли бы мы с этим справились. Нацир что-то кричал, по его щекам текли слезы. У него началась настоящая паника. В конце концов он сел на пол, обхватил голову руками и зарыдал. Он что-то говорил о смерти, о том, что это конец. Я наблюдал за всем как будто со стороны. Я сел рядом с Нациром. И тут на меня снизошло какое-то необычное спокойствие. Я никогда так ясно не мыслил. Мой мозг стал искать решение. Я чувствовал: оно где-то рядом. Что-то есть во всем этом знакомое. Где-то я уже слышал про подобную ситуацию. Я посмотрел на факел. Пламя факела колебалось. И тут меня осенило!

Лиммир! Да, он рассказывал мне историю о человеке, который заблудился в пещере. У него был факел. Точно! С помощью факела он нашел выход. Я понял, что надо делать. Я

встал и поднял факел повыше, чтобы на него не влияло мое дыхание. Тут я увидел, что пламя отклоняется вглубь туннеля.

— Нацир! Вставай, надо идти! Я знаю, где выход.

— Что? Ты сошел с ума! Откуда тебе знать! Мы обречены, — голос Нацира прерывался от рыданий. Он не мог успокоиться.

— Нет. Я знаю. Смотри. Видишь, огонь отклоняется вглубь. Значит, есть сквозняк. Огонь всегда стремится в сторону выхода. Нужно просто за ним идти. Это несложно. Давай, Нацир, собирайся. Нельзя терять время. Мы найдем выход.

Я сказал это так спокойно и уверенно, что Нацир встал и пошел за мной. Постепенно он успокоился, и я увидел в его глазах надежду. Мы снова зашли в зал, из которого недавно ушли. Теперь встал вопрос, в какой из двух коридоров нам зайти.

— Куда теперь? — спросил Нацир.

— Давай поднесем огонь к каждому из туннелей и посмотрим на пламя.

В первом туннеле пламя застыло — значит, там не было движения воздуха, во втором пламя вновь устремилось вовнутрь, указывая нам путь к спасению. Мы очень долго шли по этому туннелю. Повсюду была пыль. Нациру стало сложно дышать. У него отек нос, глаза слезились. Я ему постоянно говорил, что скоро будет выход, нужно потерпеть. Вдруг коридор опять уперся в большую и просторную комнату. Когда пламя факела осветило ее, мы увидели скелеты. Они были повсюду. Напуганные до ужаса, мы вернулись обратно в туннель, не решаясь войти в жуткое помещение вновь. Но мы все-таки продолжили путь. Скелеты принадлежали детям и, судя по остаткам одежды, женщинам.

— Якир, что это? Кто были эти люди?

— Женщины и дети прятались тут во время нападения хеттов.

— Это их хетты убили?

— Возможно, хетты. А возможно, они задохнулись от дыма во время пожара. Нам нужно идти дальше, факел скоро погаснет.

Мы вновь вошли в коридор. Факел догорал. Нам повезло — сквозняк стал усиливаться. Мы его чувствовали уже и без пламени. И вот мы заметили, что в коридоре появился уклон — верный признак того, что туннель ведет к поверхности. Огонь погас, мы шли на ощупь. С каждым шагом мы все явственнее ощущали дуновение воздуха. В конце концов наткнулись на деревянную дверь: из огромных расщелин лился свежий поток воздуха. Спасение было близко. Мы с разбегу навалились на дверь, и она поддалась. Нам открылась небольшая роща. Нацир встал на колени, произнося молитвы. Я дотронулся до земли. Как она была приятна на ощупь! А воздух! Я не мог надышаться. Стояла глубокая ночь, светили яркие звезды. Как же прекрасен мир вокруг! Раньше я этого не ценил: ни шелковистую траву, ни дуновения ветра, ни звезд. Я все воспринимал как должное. Меня переполняло чувство благодарности за свое спасение. Я встал рядом с Нациром, чтобы тоже вознести молитвы богам.

Вскоре, выбившиеся из сил, мы уснули крепким сном прямо на траве, под открытым небом.

****

Проспали мы недолго: нас разбудили первые лучи солнца.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.